

ПРОТОИЕРЕЙ
АЛЕКСАНДР
МЕНЬ

Собрание
сочинений

Том 5

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва 2018

ПРОТОИЕРЕЙ
АЛЕКСАНДР
МЕНЬ

Серия
«В поисках Пути, Истины и Жизни»

Дионис, Логос, Судьба
Греческая религия и философия
от эпохи колонизации до Александра

Книга IV

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва 2018

УДК 252
ББК 86-372
М51

По благословию Патриарха Московского и всея Руси
КИРИЛЛА

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках реализации Федеральной целевой программы
«Культура России (2012-2018 годы)»

Издание осуществлено при содействии
Гуманитарно-благотворительного фонда
имени Александра Меня

Мень А., протоиерей

М51 Собрание сочинений. Т. 5: Серия «В поисках Пути, Истины
и Жизни». Кн. 4. Дионис, Логос, Судьба. — М. : Издательство
Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2018. —
352 с. : ил.

ISBN 978-5-88017-471-3 (общ.)
ISBN 978-5-88017-663-2

Пятая книга из серии «В поисках Пути, Истины и Жизни» посвящена истории греческой мысли, попыткам, совершаемым мудрецами Эллады, проникнуть с помощью разума в тайники Сущего. Много в догадках и прозрениях древних греков понятно и близко современному человеку — ведь материализм и тоталитаризм, метафизика и вера в Судьбу вошли в наше сознание и европейскую культуру именно из древней Эллады.

УДК 252
ББК 86-372

ISBN 978-5-88017-471-3 (общ.)
ISBN 978-5-88017-663-2

© Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2018
© Мень Александр Вольфович, прот., 2018

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Мень Михаил Александрович (председатель совета), министр строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации

Сеславинский Михаил Вадимович, руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Григорьев Владимир Викторович, заместитель руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Биллингтон Джеймс, доктор, директор Библиотеки Конгресса США

Аман Ив, профессор факультета славистики Парижского университета Нантер (Франция)

Занусси Кишишоф, кинорежиссер, сценарист и продюсер (Польша)

Парравичини Джованна, атташе по культуре посольства Ватикана в России, сотрудник фонда «Христианская Россия» (Серриате, Италия)

Лукин Владимир Петрович, доктор исторических наук, профессор

Федотов Михаил Александрович, советник Президента Российской Федерации, председатель Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека

Архангельский Александр Николаевич, литературовед, литературный критик, публицист, телеведущий, писатель

Мироненко Сергей Владимирович, директор Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор

Эрнст-Йорг фон Штудниц, доктор, Почетный председатель Германо-Российского форума (Германия)

Кублановский Юрий Михайлович, поэт, публицист, критик, искусствовед

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редакционного совета – *митрополит Калужский и Боровский Климент*, председатель Издательского совета Русской Православной Церкви

Заместитель председателя редакционного совета – *епископ Балашихинский Николай*, главный редактор Издательства Московской Патриархии Русской Православной Церкви

Члены редакционного совета:

Протоиерей *Александр Борисов*, настоятель храма свв. бессребреников Космы и Дамиана в Шубине г. Москвы

Протоиерей *Виктор Григоренко*, настоятель Сергиевского храма в Сергиевом Посаде

Беглов Алексей Львович, историк, преподаватель

Ерёмин Андрей Алексеевич, писатель, публицист

Лапшин Игорь Владимирович, руководитель международного отдела Издательства Московской Патриархии (*секретарь редакционного совета*)

Полицук Евгений Семенович, заместитель главного редактора Издательства Московской Патриархии, ответственный секретарь редколлегии сборника «Богословские труды»

Рашковский Евгений Борисович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М. И. Рудомино и Института мировой экономики и международных отношений РАН

Сорокин Андрей Константинович, генеральный директор издательства «Российская политическая энциклопедия»

*О, смертной мысли водомет,
О, водомет неистощимый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремится, тебя мятет?
Как жадно к небу рвешься ты!..
Но длань незримо-роковая
Твой луч упорный преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.*

Ф. И. Тютчев

«Фонтан»

Введение

*Проходя и осматривая ваши святыни,
я нашел и жертвенник, на котором написано:
«неведомому Богу». Сего-то, Которого вы,
не зная, чтите, я проповедую вам.*

Из речи апостола Павла к афинянам,
Деян. 17, 23

В Евангелии есть единственное место, где упомянуты греки: когда они через апостола Филиппа искали беседы с Иисусом. Эпизод, казалось бы, мимолетный, о котором говорится очень мало, но знаменательны слова Христа, сказанные по этому поводу: Пришло время *прославиться Сыну Человеческому* (Ин. 12, 23). Речь, очевидно, идет не о Его небесной славе, а о принятии людьми Благой Вести¹. И действительно, эллинистический мир, окружавший со всех сторон Иудею, стал первым полем жатвы апостолов, когда они обратились с проповедью к язычникам. Вышедшее из библейской страны слово было принято людьми античного общества и культуры, и на этой почве возростала Вселенская Церковь. Мученики и апологеты, учителя и Отцы Церкви в большинстве своем были сынами греко-римского мира. Этот факт, оказавший огромное влияние на жизнь христианства, не мог быть случайным, он имел много предпосылок, из которых мы выделим две основные.

Прежде всего, многие античные идеи подготовили умы к восприятию Евангелия. Как не для всех иудеев оно было «соблазном», так и не все эллины видели в нем «безумие». Когда греки и римляне, искавшие истину, приходили к христианству,

они обнаруживали в нем немало того, чему учили их философы. Это облегчало им приобщение к Церкви, и, в свою очередь, сами они, возвещая Слово Божие, прибегали к системе античных понятий.

«Когда говорим, что все устроено и сотворено Богом, — писал во II в. св. Иустин Мученик, — то окажется, что мы высказываем учение Платоново; когда утверждаем, что мир сгорит, то говорим согласно с мнением стоиков; и когда учим, что души злодеев и по смерти будут наказаны, а души добрых людей, свободные от наказания, будут жить в блаженстве, то мы говорим то же, что и философы»². Эти совпадения не являлись в глазах святого простой случайностью. Он верил, что Логос задолго до воплощения уже «был причастен роду человеческому» и открывал людям истину постепенно. Как иудейские праведники были служителями Слова, «христианами до Христа», так и эллинские мудрецы могли быть ими, если внимали голосу Божию. Среди них св. Иустин называет Сократа и Гераклита³.

С другой стороны, в эпоху первохристианской проповеди античный мир переживал глубокую неудовлетворенность своим мирозерцанием. Самые великие достижения эллинской мысли не могли утолить жажду новых идеалов, и этот кризис подготовил античного человека к принятию учения, пришедшего с Востока.

Правда, о чувстве духовной несостоятельности, томившем древний мир, впоследствии было забыто. Со времен Ренессанса «беломраморная Эллада» стала рисоваться европейцам как законченное воплощение всего прекрасного, разумного и счастливого. Слово «Греция» привыкли ассоциировать со сказочной картиной, которая надолго заорожила лучшие умы Европы. Слепительно белые колонны на фоне глубокой лазури; статуи, овеянные величием и покоем; боги, приветливые, как люди; люди в белых одеждах, прекрасные, как боги, мудрые, просветленные; алтари среди кипарисовых рощ, веселые наяды, играющие у ручьев; философы, свободно

обсуждающие мировые вопросы... Нет ни крайности, ни нетерпимости. Повсюду царят разум, равновесие и совершенство. Здесь прекрасно все: и гражданская доблесть, и семейный очаг, и старинные обряды, и гимнастические состязания.

Такой была эта обетованная земля в представлениях многих — вершиной человечества, золотым веком его истории. «Греция представляет нам отрадную картину юношеской свежести духа», — писал Гегель, определявший эллинские верования как «религию красоты». В известном стихотворении Шиллера «Боги Греции» эта вера в Элладу звучит восторженным панегириком:

Обычного земного поклоненья
И тяжких жертв не требовалось там,
Там счастья искали все творенья;
Кто счастлив был, тот равен был богам.

Сколько было сказано и написано о волшебной красоте греческой природы и скульптуры, о жизнерадостности греков, о независимости и оптимизме их мышления! Сколько раз Греция, искусство которой называли «нормой и недостижимым образцом», становилась законодательницей мод, властительницей дум! Просвещение и наука были неотъемлемыми атрибутами Эллады в глазах поборников «светской культуры». Вторя древним язычникам, они утверждали, будто Евангелие разрушило «мир мудрости и светлой радости». Мысль о том, что античный мир мог нуждаться в какой-то более полной истине, казалась нелепой: чему было учиться Элладе у «скорбного дисгармоничного Востока»? Ницше видел в Греции оплот духовной свободы, а мироотрицание и рабство связывал с верой Библии. Он прошел мимо Песни Песней и Книги Иова, забыл о Кане Галилейской и евангельских словах: «Вы познаете истину, а истина сделает вас свободными». А ведь не кто иной, как он сам, приводил греческую легенду о Силене, у которого люди хотели выведать секрет счастья; пойманный по приказу царя демон долго молчал, но наконец воскликнул: «О человек,

эфемерное создание, дитя злой судьбы! Лучше для тебя вовсе не родиться, а уж если явился на свет, тебе хорошо умереть как можно скорее».

Эти слова легенды, столь далекие от пресловутой «жизнерадостности» греков, позволяют увидеть античность в совершенно ином свете.

* * *

С привычными представлениями всегда трудно расставаться, тем не менее сегодня следует признать, что старый романтический образ Греции далек от действительности: он является лишь одним из мифов, унаследованных от эпохи Возрождения.

Первая брешь в этом мифе была пробита открытием богатств древневосточной культуры. Прежде эллинство казалось каким-то уникальным островом мысли и искусства среди темного, варварского мира. Теперь же обнаруживалось, что на Востоке поэзия, наука, зодчество, скульптура и живопись расцвели задолго до того, как появились в Греции. Изучая античный быт, археологи убедились, что он был мало похож на идеальную картину, нарисованную мифом об Элладе. Даже в Афинах рядом с прекрасными храмами теснились жалкие кварталы, где было столько же грязи, смрада, неудобств и нищеты, сколько в любом городе древнего мира.

Когда спала с глаз пелена предвзятости, по-иному стала вырисовываться и греческая история. Ведь, подобно всем другим, она была полна зверств, предательств, насилий, безумия и фанатизма; она знала и коррупцию властей, и преследования инакомыслящих, и жестокий деспотизм.

Изучение греческой религии и философии за последние столетия окончательно развеяло миф об Элладе. Еще в XIX в. была как бы заново открыта мистическая Эллада, суровая и трагичная. Стало понятно, чем была для греческого духа буйная стихия Диониса, вера в Судьбу, породившая «античный

ужас»; обнаружилась удивительная близость путей Греции и Востока⁴. В результате этих переоценок античный мир не потерял своего индивидуального лица, но оно уже более не казалось божественным. В этой новой Элладе по-прежнему остается место эстетам и жизнелюбцам, скептикам и рационалистам, но мы также находим в ней пессимизм и уныние, растерянность и отращение к жизни. Мы обнаруживаем в ней мистическую тоску и проповедь аскетизма. По-другому прочтываются теперь и давно известные античные тексты. Из них явствует, что древний грек отнюдь не был наивным баловнем счастья. Напротив, он слишком часто ощущал себя игрушкой неведомых сил, и даже боги не были в его глазах свободными существами.

Печать трагичности отмечена и история греческой мысли. Неимоверные усилия проникнуть с помощью разума в тайники Сущего при всем их героическом величии были отравлены сознанием своей немощи и безнадежности.

Всего этого слишком долго не видели или не хотели видеть, а между тем, быть может, именно здесь трепетало самое сердце греческого мира.

Стоит ли сожалеть о развенчанном мифе? Лишилась ли теперь Греция своей красоты и значительности? Скорее наоборот. Эта страдавшая, искавшая, заблуждавшаяся Эллада дороже нам, чем та — воображаемая. Современный мир во многом повторяет ее опыт: так же, как она, он мечется, бросаясь от материализма и тоталитарной идеологии к метафизике и оккультизму. Поэтому, лишенная своих стилизованных одеяний и перестав быть идеалом, Греция становится более близкой к нам в своей скорбной неудовлетворенности, в искании вечного и совершенного.

Часть I

**Сумерки олимпа
и греческая
мистика**

Глава первая

Железный век. Гесиод Греция и Иония, 1000–600 гг. до н. э.

*О, где же вы, святые острова,
Где не едят надломленного хлеба,
Где только мед, вино и молоко,
Скрипучий труд не омрачает неба
И колесо вращается легко?*

О. Мандельштам. «Черепаша»

В истории большинства древних религий есть переломный момент исключительной важности: когда человек, впервые осознав священный характер порядка, гармонии и разума, противопоставляет их иррациональным силам хаоса. Этот момент запечатлен в мифах о *борьбе богов*. Против стихийных демонов первобытного мира выступают божества человекоподобные, созидающие стройную иерархию мироздания.

В античной религии это пока еще смутное ощущение божественности разума и духа выразили сказания, во многом похожие на мифы Вавилона, Египта, Ханаана. Если на Востоке Мардук, Ра, Ваал-Хадад поражают чудовищ, то у греков мы видим Зевсову дружину, низвергающую в бездну титанов и гигантов, и Аполлона, расправляющегося с драконом.

В плане узко историческом эти мифы — отголосок той эпохи, когда племенные боги ахейцев утвердились на полуострове,

оттеснив древнейшие культы туземцев Греции. Боги-победители поселились на Олимпе, который в представлении эллинов стал уже не только горой, но и некоей небесной областью. Обитатели Олимпа мыслились как существа, во всем, кроме бессмертия, сходные с людьми. Мифы красочно рисуют их жизнь среди войн и соперничества, интриг и пиров, любви и ненависти. Звон оружия, пение, «несказанный смех» постоянно оглашают Олимп, разительно напоминая царские дворы Микен или Тиринфа. В этой картине нельзя, однако, видеть только грубо языческое понятие о богах. Победа Олимпийцев над темными сынами Матери-Земли отразила гордое самосознание человека-борца, человека-деятеля и устроителя жизни, узнавшего о своем превосходстве над природой. Сколь бы странно это ни казалось на первый взгляд, триумф человекоподобных богов в наивной форме заявлял о вере в высшую значимость духовного начала. Олимпийский миф стал предтечей и прообразом учений греческих философов о космическом Разуме-Логосе.

Однако победа Олимпа, как гласит сказание, не была полной: сразив титанов и чудовищ, боги не решились посягнуть на саму Богиню-Мать. Верховная власть осталась за ней. И мы видим, что в греческой религии превыше всего, даже Олимпа, продолжала тяготеть неизбывная Судьба, которую невозможно было ни постичь, ни одолеть, ни умолить. Она являлась все той же Богиней-Прародительницей. Именно здесь корень того фаталистического чувства, из которого родилась античная трагедия, воспевавшая тщетный поединок человека с Неведомым⁵.

Таким образом, трон Зевса оказался непрочным, а господство его в конечном счете — мнимым. Отсюда понятно, почему наряду с почитанием Олимпа мы постоянно встречаем в Греции попытки вернуться к древней религии Природы.

Почему же ахейский пантеон смог тем не менее устоять и в течение веков оставаться в центре официальной религии греков? Причину этого мы поймем, если обратимся к смутной

эпохе XII века до н. э., когда весь средиземноморский мир всколыхнули войны и переселения народов.

Троянский поход и нашествие дорийцев привели к упадку, а затем к гибели старые ахейские царства. Микены, Пилос и другие прославленные Гомером города были разрушены; замерла торговля, страна оказалась в изоляции и скоро впала в нищету и одичание*.

Эти события могли бы стать роковыми для Олимпийской религии, однако одно обстоятельство предотвратило ее исчезновение. Вторжение дорийцев и разруха не коснулись Ионии — малоазиатских городов, заселенных греками. Ионийцы сумели сохранить микенские предания, а вместе с ними и веру в богов.

Религия оказалась неразрывно сплетенной с героическим прошлым Греции. Поэмы Гомера, сложенные в Малой Азии, увековечили не только древних витязей и царей, но и Зевса с его свитой. Отказ от старых богов означал бы теперь для греков разрыв с самыми дорогими воспоминаниями. «Илиада» и «Одиссея» стали отныне и памятником национальной традиции, и настоящей энциклопедией, откуда многие поколения эллинов черпали свои религиозные понятия.

Геродот впоследствии писал, что до Гомера греки не имели ясного представления о богах, их жизни, отношениях и сферах деятельности⁶. Таким образом, стремление сохранить отечественное наследие привело к образованию своего рода «гомеровской религии», для которой поэмы ионийского певца послужили чем-то вроде священной книги.

В силу этого некоторые историки называли Гомера религиозным реформатором, но, пожалуй, вернее было бы считать его хранителем и собирателем народных преданий. Не в религиозной области, а в сфере художественной проявился его творческий гений. Можно сомневаться, внес ли он в религию нечто свое; скорее всего поэт лишь претворил в пластические образы старинный ахейский пантеон.

* См.: А. Мень. Магизм и единобожие, гл. XVI.

Как бы то ни было, Иония и Гомер спасли Олимп от забвения. Но они мало что сделали для одухотворения прежних верований, и поэтому новый религиозный кризис, на этот раз связанный с ломкой жизненного уклада Греции, стал неизбежным.

* * *

Со времен Троянской войны, на протяжении двух-трех веков, облик Эллады постепенно изменился. Вслед за нашествием дорийцев пришли годы относительного спокойствия: каждое племя отвоевало себе земли, образовав новые *полисы*, города-государства. Дорийцы осели на юге, ионийцы утвердились на Аттическом полуострове. Все полисы чтили общую святыню — Дельфийского оракула, которого дорийцы пощадили, как некогда ахейцы — Додону. Появилась общегреческая письменность, созданная на финикийской основе. Мирные профессии стали выдвигаться на первый план. Железо, секрет выплавки которого был принесен в страну дорийцами, помогло улучшить орудия труда. Вновь начали развиваться заброшенные во время войны ремесла. К VIII в. греческий мастер уже владел не только долотом и стамеской, но также циркулем, линейкой, уровнем.

Росло население, страна должна была кормить все большее число людей, крестьяне уходили в море на поиски плодородных земель. Корабли греков шли по следам древних критян и финикийцев; десятки факторий и поселков возникали по берегам Средиземноморья. Началась эпоха *колонизации*. Многие существующие и поныне города — Неаполь и Мессина, Марсель и Константинополь, Одесса и Феодосия — основаны греческими колонистами.

Немало удачливых путешественников, отправившихся в путь бедняками, возвращались обогащенными. Старые аристократические семьи эвпатридов, которые вели свой род от богов и героев, постепенно теряли былое значение. Далеко

в прошлое ушли грабительские походы их предков, теперь состояние добывалось иными путями. Появились деньги.

С возникновением «капитала» торговцы получили возможность накапливать свои доходы: деньги не портятся, как вино и пшеница, они не просто символ богатства, они — богатство реальное, благодаря им открывается путь к власти. Достаточно было их хозяевам пожелать, как эти кусочки металла превращались в нагруженный товарами корабль, который шел к гаваням Архипелага, Черного моря, Азии или Италии и возвращался, нагруженный еще большим количеством могущественного металла.

Эти новые перспективы буквально вскружили грекам головы; начинается всеобщая погоня за наживой. Именно в это время складываются поговорки: «Честь следует за богатством», «Деньги делают человека». Поэт Феогнид, поклонник аристократической чести и родовой гордости, с осуждением говорит о распространенных в те годы браках по расчету, когда «знатный берет себе в жены простую, простолюдин — госпожу». Он жалуется, что проходимцы, которые вчера еще бродили в лохмотьях, обогатившись, «стали теперь господами».

Впрочем, если в каком-то смысле знатные греки уравнивались с людьми низкого происхождения, то, с другой стороны, создавались и новые разделения. Власть денег разрушала обычаи и нормы поведения, которые еще сохранились от старинных героических времен. Понятия о чести и порядке утратили свою силу:

Ныне несчастья добрых становятся благом для низких
Граждан; законы теперь странные всюду царят:
Совести в душах людей не ищи; лишь бесстыдство и наглость,
Правду победно поправ, всею владеют землей⁷.

Примечательно, что в Греции подобные голоса, осуждающие упадок нравов, раздавались в основном не в среде служителей религии, а исходили от поэтов. И это происходило